

Т.Ю. Феклова

*Санкт-Петербургский филиал института истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова, РАН*

Жэньхэнь Чэнь

Национальный Чяо Тун университет

К ИСТОРИИ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ П.М. СТРОЕВА 1829–1834 ГГ.: ОРГАНИЗАЦИОННО-ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ

Археографическая экспедиция Строева П.М. положила начало научному исследованию архивного наследия Российской империи. Впервые были подробно рассмотрены все этапы организации и проведения данной экспедиции, были проанализированы общие тенденции делопроизводственной практики Академии наук.

П.М. Строев, археографическая экспедиция, архивы, делопроизводство.

История – наука, опирающаяся на документальные источники различного происхождения (сведения из архивов, археологические данные). Хотя письменность довольно давно известна человечеству, государственное хранение, а главное, научное использование письменных материалов, было организовано сравнительно недавно.

Археография (как вспомогательная историческая дисциплина, направленная на поиск и публикацию письменных источников) получила широкое развитие в России со второй половины XIX в. История археографии началась с создания правительством исторических архивов. В 1773–1775 и 1788–1791 годах собирателем древностей и издателем Н.Н. Новиковым было опубликовано большое собрание ценных документов по истории России («Древняя Российская Вивлиофика»). Время правления Екатерины II ознаменовалось подъемом интереса к изучению исторического прошлого Российского государства. Как отмечает Ж. Чэнь, экспедиции – это также показатель силы империи, показатель ее жизнестойкости.

На развитие археографии первой половины XIX в. большое влияние оказали Общество истории и древностей Российских, основанное в 1804 г. при Московском университете, Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском архиве Коллегии иностранных дел (1811 г.), Археографическая экспедиция (1829 г.) и Археографическая комиссия (1834 г.). В результате деятельности этих учреждений было опубликовано значительное количество документальных материалов по истории внутренней и внешней политики России. Велась большая работа по собиранию и изданию русских летописей.

Экспедиция П.М. Строева по Европейской части России 1829–1834 гг.

Российские ученые еще в XVIII веке предлагали начать поиски сохранившихся летописей, рукописей и грамот, зачастую скрытых в домашних библиотеках и собраниях монастырей. Настоящим прорывом в области российской археографии стала экспедиция П.М. Строева 1829–1834 гг.

Будучи выбранным в 1826 г. за заслуги по собиранию древнерусских летописей в член-корреспонденты Академии наук, историк П.М. Строев 2 апреля 1828 года представил в Императорскую Академию наук план с проектом своей экспедиции [11, л. 4 об.]. Для определения пользы, своевременности и реальности предполагаемой экспедиции данный план был передан ординарному академику, историку Ф.И. Кругу.

Делопроизводственная практика Академии наук, сформировавшаяся в начале XIX в., предполагала, что ученый, решившийся на организацию научной экспедиции, должен был предоставить в Конференцию Академии наук детальный план экспедиции. В данном документе должны были присутствовать следующие пункты:

- 1) научное обоснование необходимости экспедиции;
- 2) состав участников;
- 3) смета расходов.

В случае положительного отзыва Конференции на предполагаемый план экспедиции через президента Академии наук и министра народного просвещения (президент Академии С.С. Уваров совмещал обе эти должности) проект передавался на утверждение в Совет министров [4, с. 21]. Президент Академии часто лоббировал в Комитете положительное решение о той или иной экспедиции, как это было, например, в случае с археографической экспедицией П.М. Строева 1829–1834 гг. [3, с. 152]

Уже 13 августа 1828 г. непреременный секретарь Академии наук П.Н. Фус зачитал на Конференции Академии наук план археографической экспедиции, принятый Советом министров и утвержденный императором Николаем I [9, с. 204].

Основной целью П.М. Строев определил обстоятельный сбор и изучение всех (по возможности) древних письменных памятников (летописей, актов, материалов), которые находились в монастырях, духовных училищах и древних архивах [12, л. 144]. Предполагалось, что археографическая экспедиция будет разделена на три части так, чтобы каждая представляла собой отдельное путешествие:

1. Северная часть Европейской части России (губернии): Санкт-Петербургская, Псковская, Новгород-

ская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Пермская и Вятская (3 года на разъезды).

2. Средняя часть: Костромская, Ярославская, Тверская, Московская, Владимирская, часть Нижегородской, Казанская, Симбирская, северные уезды Пензенской и Тамбовской, Рязанская, Тульская, Казанская (2 года).

3. Западная часть: Смоленская, Витебская, Могилевская, Волынская, Малороссия, часть Курской и Орловской (1 год) [12, л. 146 об.].

Отсутствие южных губерний в этом списке объясняется в большей степени тем, что южные границы России часто страдали от набегов, во время которых гибли исторические рукописи.

Перед археографической экспедицией были поставлены следующие цели:

1. Систематизация и приведение в порядок хранилищ и библиотек.

2. Составление каталогов рукописей и книг.

3. Снятие копий с небольших рукописей, делание выписок и fac-simile [12, л. 150] с пространных летописей.

4. Зарисовка и описание церковной утвари.

5. Этнографические исследования (наблюдение и записывание обрядов, соби́рание этнографических предметов).

Вместе со П.М. Строевым отправлялись в путь два помощника, способных разбирать древние рукописи. Для снятия fac-simile и зарисовки древних вещей требовался искусный художник, а также 2–3 человека для прислуги и охраны принадлежностей экспедиции [12, л. 147 об.]. Вместе с П.М. Строевым в это путешествие отправились коллежский секретарь Н.С. Лебедев и коллежский протоколист И.Л. Городской [1, с. 110].

Академик-востоковед Х.Д. Френ подготовил для П.М. Строева отдельную инструкцию по коллекционированию восточных древностей. Х.Д. Френ просил П.М. Строева также обращать внимание на арабские монеты, древние надписи, на талисманы и рукописи [3, с. 157].

Одним из основных элементов «пакета» документов, сопровождающего исследователя уже на этапе совершения экспедиции, был «открытый лист», аналог современного командировочного удостоверения. В нем расписывался маршрут, цели экспедиции, требования оказывать содействие исследователям со стороны властей. Специфические особенности финансирования, предоставления жилья или транспорта по требованию руководителя экспедиции также могли вноситься в открытый лист.

Во время проведения археографической экспедиции 1829–1834 гг. ее руководитель П.М. Строев просил, чтобы в открытом листе от руководителя почтового департамента А.Н. Голицына было указано, чтобы «все посылки и конверты за печатью археографической экспедиции принимались в почтамтах, губернских конторах без взимания весовых денег» [12, л. 244]. П.М. Строеву и его спутникам был выдан открытый лист за подписью министра внутренних дел А.А. Закревского для предъявления местным начальникам для оказания им помощи экспедиции [12, л. 152]. Помимо этого, исследователям выдали откры-

тый лист от Министерства народного просвещения (министр – С.С. Уваров), Министерства финансов (министр – Е.Ф. Канкрин) и Святейшего синода (обер-прокурор – П.С. Мещерский) [12, л. 152].

Еще одним обязательным документом, сопровождающим ученого в экспедиции, была шнуровая книга, тетрадь с прошитыми и пронумерованными страницами. В ней указывались выданные и потраченные деньги, отмечалось прибытие в каждый город и на каждую почтовую станцию, отмечалось количество верст, лошадей и денег, потраченных на поездку. Помимо этого, в шнуровых книгах могло указываться все имущество экспедиции, и по окончании поездки по этим спискам сверялись недостаки экспедиции. Каждая утрата, будь то пропавший или сломанный инструмент, требовала задокументированного объяснения его порчи. При получении оплаты хозяева постоянных дворов должны были расписываться в шнуровой книге.

Квартиры для себя и своих спутников Строев должен был снимать за собственные деньги.

Длительность экспедиции Строева не позволяла ему держать при себе все средства, отпущенные на экспедицию. Поэтому перед ее началом ему было прислано предписание от министра финансов, в котором указывалось, что отделения Государственного казначейства в губернских и уездных городах обязаны были принимать от ученого деньги для хранения их в казенном сундуке и выдавать их по первому требованию П.М. Строева [12, л. 244 об.]. Таким образом, ученые Академии наук имели возможность на местах свободно оперировать средствами экспедиции, что в большой степени облегчало их работу.

Так как большинство древних документов находилось в хранилищах монастырей и церковей, то понадобилось разрешение от Святейшего синода на работу с этими документами. Кроме того, монастыри, находившиеся далеко от постоянных дворов, должны были предоставить помещения для членов Археографической экспедиции. В 1830 г., например, от Святейшего синода в Академию наук пришло письмо с просьбой сообщить маршрут предстоящего путешествия с тем, чтобы дать распоряжение духовным властям о приготовлении помещений [9, л. 216]. Некоторые настоятели монастырей боялись, что целью экспедиции было не только изучение рукописей, но и выемка их из собраний. Из-за этого хранители монастырских архивов прятали особо ценные свитки [14, л. 62]. 10 марта 1834 г. последовал указ Святейшего Правительствующего синода за № 1660, в котором говорилось о том, что все настоятели монастырей, соборов и церковей обязаны не препятствовать работе экспедиции. В случае затруднения с разбором текста или при желании исследователя сделать выписки из рукописи священнослужители должны были оказывать необходимую помощь [13, л. 15].

Строев получил разрешение от Академии наук на приобретение старинных книг и рукописей, но только от частных лиц. Специально на этот случай в академической типографии было отпечатано 300 экземпляров объявлений. В них говорилось о том, что любой желающий мог принести археографу хранящиеся у него старинные печатные и рукописные книги и по-

лучить за них достойное вознаграждение. «Те особы, коим будет угодно пожертвовать безденежно что-либо древнее, редкое или примечательное, получают от археографа квитанцию в принятии оной, а по доставлению их в Императорскую Академию наук, будет напечатано о сём в Санкт-Петербургских Ведомостях» [12, л. 171 об.]. Покупать книги и летописи исследователи могли только у частных людей, а не из собраний монастырей [2, л. 16].

На первый год поездки Академия наук ассигновала экспедиции 10 000 рублей [12, л. 165 об.]. На жалованье археографу – 1500 руб., его помощникам – 1200 руб. писцу – 400, двум прислужникам – 150. На подъем, покупку и починку повозок, обзаведение хозяйственными, письменными и рисовальными принадлежностями – 600 руб. На прогоны, примерно на 6000 верст – 3000 руб. На съём квартир и покупки продовольствия, примерно по 8 ½ копеек в день, итого – 3150 руб.

Еще в октябре 1828 г. профессор ботаники К.Ф. Ледебург попросил Строева о возможности присоединения к экспедиции ботаника. Ботаническая часть экспедиции должна была финансироваться отдельно, а в качестве дополнительного «бонуса» для археографической экспедиции предполагалось, что ботаник будет учить Строева и других ученых методам ботанических исследований и практиковать их в немецком языке. Строев согласился, однако не получил никаких дальнейших указаний от Конференции Академии наук. В своем письме от 12 марта 1829 г. к председателю общества истории и древностей российских А.А. Писареву Строев писал, что отсутствие ответа он посчитал за вежливый отказ Академии и поэтому отправляется в экспедицию без ботаника [12, л. 52].

Экспедиция начала работу с 1829 года (были осмотрены Вологодская и Архангельская губернии); а после 1830 г., когда Строев нашел себе помощника в лице Я.И. Бередникова, она разделилась на две части.

В 1829 году экспедиция недополучила 4000 рублей на продолжение путешествия, и П.М. Строев приехал в Санкт-Петербург для выяснения обстоятельств дела. Причем П.М. Строев четыре раза посылал официальные отношения на имя неперменного секретаря Академии П.Н. Фуса. Но не получил никакого ответа, что было против как приличий, так и законов, т.к. на официальное отношение в обязательном порядке должен быть написан ответ [11, л. 13 об.].

Министерская реформа Александра I 1802–1811 г., призванная изменить всю систему государственной организации и привести ее к строгой иерархии и единоначалию, закономерным образом привела к смене и унификации всей системы делопроизводства [8, с. 35–49]. Порядок документирования стал определяться новыми принципами управления. Была утверждена структура департаментных взаимоотношений как внутри министерств, так и с другими организациями. Обязанности чиновников регламентировались, а несоблюдение сроков прохождения документов влекло за собой наказание (в зависимости от степени вины: административное или уголовное) [15, с. 116–117]. Таким образом, отсутствие ответа на официальное письмо П.М. Строева со стороны неперменного секретаря являлось серьезным правонарушением. В своем последнем послании к П.Н. Фусу исследователь

указывал, что если он и на этот раз не получит ответа, то будет жаловаться директору Академии, поскольку на официальное отношение в обязательном порядке должен быть написан ответ [11, л. 13 об.]. Дальнейших санкций в отношении неперменного секретаря, однако, не последовало в связи с тем, что недоразумения, возникшие между неперменным секретарем и ученым, были решены после приезда П.М. Строева в Санкт-Петербург. С чем изначально была связана эта задержка, пока остается неизвестным.

В мае 1829 г. для нужд экспедиции выделили казенное судно, бриг «Лапоминка», под командованием М.Ф. Рейнеке, совершавшего промеры Баренцева моря (в том числе Екатерининской гавани, удобного места для кораблей, совершающих плавание вдоль берегов Мурмана) [5, с. 110]. Планировалось, что на бриге экспедиция совершит плавание в Соловецкий монастырь. Но М.Ф. Рейнеке, сообразуясь с собственным заданием по промеру дна Баренцева моря, поставил очень жесткий график захода в порт Соловецкого монастыря. Этот график не позволял П.М. Строеву со спутниками достаточно хорошо изучить архив монастыря, и П.М. Строев был вынужден отказаться от поездки.

В апреле 1831 г. М.М. Сперанский попросил, чтобы ему были переданы документы из экспедиции П.М. Строева, содержавшие материалы по древним русским законам (до 1649 г.) [9, с. 223].

В феврале 1834 г. Я.И. Бередников отправился в Олонецкую губернию, совместив это с посещением Соловецкого монастыря. 17 октября он прибыл в Москву, «собрал обильную жатву списков исторических памятников в архивах Соловецкого монастыря» [9, с. 249]. Работой в Соловецком монастыре закончилась шестилетняя деятельность Археографической экспедиции [12, л. 23].

Всего ученые за период с 1829 по 1834 гг. успели осмотреть около 200 библиотек и архивов и приготовить: 1) собрание древних грамот, судебных дел и т.п. XIV–XVII вв. в 10 томах; 2) каталоги рукописей и старопечатных книг, хранящихся в монастырских и других библиотеках с выписками и рецензиями рукописей, расположенных по алфавиту [6, с. 12–13]. Общее количество историко-юридических актов, включавших в себя выписки и отдельные летописи с 1340 по 1700 год, составляло примерно три тысячи образцов. Примерно такое же количество составляли повести, сказания, послания, переписка и пр. Все это богатство было представлено на рассмотрение Конференции Академии наук [10, с. 555].

Первым результатом работы экспедиции было учреждение Археографической комиссии [7, с. 7]. Комиссия начала свою деятельность в 1835 г., а в 1836 г. уже были напечатаны четыре больших тома Актов, собранных экспедицией. В дальнейшем Археографическая комиссия избрала другой путь для пополнения своей коллекции. Археографические путешествия такой масштабы уже не организовывались, а нужные документы доставлялись в Комиссию посредством работы корреспондентов Археографической комиссии. Их также присылали чиновники местных архивов. В 1931 г. в результате объединения Археографической комиссии, Постоянной исторической

комиссии при Академии наук, Института книги, документа и письма Академии наук СССР и Ленинградского отделения Института истории Коммунистической академии при ЦИК СССР был образован Историко-археографический институт АН СССР.

Академическая наука, прежде всего на первых этапах ее формирования, была неотделима от экспедиционных исследований, которые позволяли собирать и пополнять первичные данные. Развитие экспедиций и эволюция науки шли одновременно с формированием страны и выработкой определенной делопроизводственной практики. Каждая экспедиция проходила сложный организационный этап, призванный облегчить выполнение поставленных перед исследователями задач. В то же время каждая экспедиция комплектовалась собственным набором документов, отражающим как специфику экспедиции, так и специфику задач и местностей, где она работала.

Экспедиция П.М. Строева 1829–1834 гг. стала важным этапом в развитии исторической науки в России и в развитии имперской политики. Несмотря на то, что официально задача о консолидации нации перед экспедицией не ставилась, тем не менее, впоследствии все ярче вырисовалась идея: один народ, одна история. Совсем недавно закончилась война 1812 г., когда были уничтожены ценнейшие архивы Смоленска, Москвы и других городов Европейской части России, но вместе с тем произошел мощный подъем патриотического движения. Идея патриотизма была выражена в том числе и в идее идеологического «собрания» земель в единую страну, подкрепленной собиранием и выстраиванием единой исторической парадигмы.

Таким образом, экспедиция П.М. Строева стала стимулом для развития отечественной исторической науки, основанной на многочисленных источниках.

Литература и источники

1. Андреева, Т. В. Археографическая экспедиция Академии наук. 1829–1834 гг. / Т. В. Андреева // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Сб. 21. – Ленинград, 1990. – С. 107–118.
2. Археографическая экспедиция Академии наук (1828–1834 гг.). Сборник материалов. – Ленинград : Академия наук, 1930. – Вып. 1.
3. Барсуков, Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева / Н. П. Барсуков. – Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1878. – 668 с.
4. Варадинов, Н. В. Делопроизводство, или Теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел / Н. В. Варадинов. – Санкт-Петербург : Типография Якова Трея, 1857. – 394 с.
5. Вербин, О. Г. Екатерининская гавань – ворота в Арктику / О. Г. Вербин // *Арктика – история освоения и изучения. Наука, реальность, легенды* (к 110-летию со дня рождения И.Д. Папанина). – Апатиты : Издательство Кольского научного центра РАН, 2006. – 200 с.
6. Воспоминание о П. М. Строеве И. И. Срезневского. – Санкт-Петербург : б/и, 1877. – 20 с.
7. Высочайшие повеления // *Журнал министерства народного просвещения*. – 1835. – Ч. 5. – Отд. 1.
8. Ильюшенко, М. П. История делопроизводства в революционной России / М. П. Ильюшенко. – Москва : РГГУ, 1993. – 79 с.
9. *Летопись Российской Академии наук*. В 3 томах. Том 2. 1803–1860. – Санкт-Петербург : Наука, 2002. – 620 с.
10. *Очерки истории исторической науки в СССР*. – Москва : АН СССР, 1956. – Т. 1.
11. Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук (СПбФА РАН). Ф. 88. Оп. 1. Д. 1. 1826–1832.
12. СПбФА РАН. Ф. 133. Оп. 1а. Д. 94. 1928–1929.
13. СПбФА РАН. Ф. 345. Оп. 1. Д. 3.
14. СПбФА РАН. Ф. 764. Оп. 3. Д. 11.
15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов свода законов. – Москва : Типография Шюман и Глушкова, 1867.

T.Yu. Feklova, Jenheng Chen

ON P.M. STROEV'S ARCHEOGRAPHICAL EXPEDITION 1829–1834: ORGANIZATIONAL AND FINANCIAL ASPECTS

P.M. Stroev's archeographical expedition marked the beginning of scientific research of the archival heritage of the Russian Empire. For the first time, all the stages of organizing and conducting this expedition were considered in detail, and the general trends of documentation of St. Petersburg Academy of Sciences were analyzed.

P.M. Stroev, archeographical expedition, archive, documentation.